

Кафе на углу января

Хайруллин Айрат

Айрат Ахсанович Хайруллин

Кафе на углу января

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73280038

SelfPub; 2026

Аннотация

Рустаму тридцать восемь, и он внезапно понимает: жизнь – не черновик. Год назад он ушёл с ненавистной работы ради мечты, но мечта не принесла ни денег, ни опоры. Амбиции выгорели, сбережения закончились, а молчаливый взгляд жены звучит как окончательный вердикт.

Случайная встреча с Алсу – бывшей однокурсницей, иронично называющей себя «психологом-патологоанатомом душ», – становится точкой излома. Их разговор лишён утешений, но именно он заставляет Рустама увидеть собственную жизнь без самообмана.

Почему одним всё даётся будто само собой, а другим приходится годами биться о стену? Можно ли принять несправедливость мира, не сломавшись? И есть ли смысл действовать, когда нет никаких гарантий?

Проза о взрослении без иллюзий, о цене выбора и о внутренней свободе, которая возникает лишь тогда, когда перестаёшь требовать от жизни справедливости.

Айрат Хайруллин

Кафе на углу января

Окна кафе покрылись изморозью – снаружи минус двадцать, внутри плюс двадцать, а на границе миров кристаллизуется вся метафизика уральской зимы. Рустам смотрел сквозь ледяные узоры на улицу, где редкие прохожие, согнутые ветром, напоминали вопросительные знаки без ответов. Весь итог новогодних надежд – вот он, за стеклом.

Это кафе на Заки Валиди принадлежало к числу тех мест, что существуют вне времени – не благодаря уюту или особой атмосфере, а скорее вопреки всему. Столы из массива, стёртые до блеска поколениями локтей, венские стулья с расшатанными ножками, официантки с лицами усталой мудрости, помнящие ещё ельцинскую инфляцию. Вывеска поблёкла лет десять назад, но хозяин не менял её – суеверный человек, верил в приметы. В декабре здесь гомонило, подводили итоги с глинтвейном и амбициями. В январе оставались лишь те, кому некуда идти, или те, кому есть о чём думать. Рустам относился ко второй категории, хотя подозревал, что граница размыта.

Тридцать восемь – возраст, когда понимаешь: жизнь не черновик. Не репетиция перед генеральным прогоном, а единственный спектакль, причём ты уже давно во втором акте, и никакого антракта не предвидится. Год назад он ушёл

из крупной компании, где руководил отделом, получал приличные деньги и ненавидел каждое утро понедельника. Не выгнали – ушёл сам, потому что перестал понимать «зачем». Собирался открыть студию, консалтинг, что-то своё. Энтузиазм выветрился за три месяца. Деньги таяли с методичностью ледника в глобальном потеплении, мотивация испарялась вместе с ними, и к январю от амбиций осталось лишь чувство вины перед женой. Она молчала терпеливо, но в глазах уже читался приговор.

Алсу он не видел года три – университетская подруга, случайная встреча неделю назад в книжном на Ленина. Она ли стала какой-то труд по экзистенциальной психологии (Ялом, кажется), он стоял перед полкой с бизнес-литературой, которую уже не мог заставить себя читать. Встретились глазами, узнали, обменялись номерами. Она предложила встретиться – он согласился скорее из вежливости. Алсу стала психологом, но не из тех, кто кивает и повторяет «я вас понимаю», а из тех, кто вскрывает душу, как патологоанатом тело: профессионально, точно, без ложного сочувствия.

Сейчас, сидя напротив неё за столиком у запотевшего окна, Рустам понимал: разговор будет не из лёгких. Алсу заказала американо без сахара, он – двойной эспрессо. Между ними легло молчание, густое, как январская темнота за стеклом. Она первой его разрежала.

– Давай честно, – она поставила чашку на блюдце с тем особым стуком, который знаменует начало серьёзного разго-

вора. – Ты же понимаешь, что эти разговоры про депрессию – отчасти самообман? Да, болезнь. Да, нейрохимия. Но это не отменяет ответственность. Никто не снимает её с тебя – ни диагноз, ни обстоятельства, ни время года.

Он кивнул, глядя в окно. Ожидал этого. Алсу никогда не терпела жалости к себе – ни чужой, ни собственной. Ещё в университете, когда половина курса жаловалась на несправедливых преподав и невозможные экзамены, она просто шла и сдавала. Без драмы, без надрыва. Боль для неё была переменной в уравнении, которую надо учесть и идти дальше.

– Я читал, – сказал Рустам, переводя взгляд. – Депрессия признана заболеванием, но ответственность остаётся. Как у диабетика – лечишься, следишь, корректируешь жизнь. Или игнорируешь диагноз и загоняешь себя в могилу. Выбор есть всегда, даже когда кажется, что его нет.

– Вот именно, – Алсу кивнула. – Диабетик не пьёт водку натошак, гипертоник не ест солёное на ночь. Ты на антидепрессантах – я знаю. Значит, алкоголь исключён. Но ты всё равно пьёшь, я вижу по лицу. Либо ты лечишься и берёшь ответственность, либо выбираешь жалость к себе. *Tertium non datur*.

Рустам поморщился. Она была права. В новогоднюю ночь он выпил полбутылки виски, хотя врач предупреждал. Проснулся с похмельем и тревогой, от которой таблетки не спасали. Два дня выравнивал состояние, лишь к четвёртому

почувствовал себя человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.